Агата Ёжова

Поцелуй под прицелом

Ты под моим наблюдением

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Поцелуй под прицелом

Агата Ежова

Поцелуй под прицелом. Ты под моим наблюдением

«Автор»
2025

Ежова А.

Поцелуй под прицелом. Ты под моим наблюдением / А. Ежова — «Автор», 2025 — (Поцелуй под прицелом)

Он должен был разоблачить её. А начал защищать. Желать. И терять голову.Иногда самая опасная женщина — та, в которую ты влюблён.Она вздрагивает, и пакет с грохотом падает в лужу.— Я, конечно, знал, что бесподобен, — шепчу ей на ухо, — но не настолько же, чтобы у тебя при виде меня всё летело из рук. От неё пахнет дождём и чем-то сладким. Настолько вкусно, что у меня перехватывает дыхание.— У тебя всегда такие перепады настроения? — бросает она. В голосе сталь. Капля дождя медленно скатывается с её ключицы под вырез платья. Я мысленно проследил её путь.Артёму поручено следить за Александрой — учителем биологии, мечтающей о тихой жизни. Его миссия — выяснить, как она связана с таинственными исчезновениями детей в городе. Но чем ближе он становится к своей подозреваемой, тем сложнее сохранять профессиональную дистанцию. Каждая случайная встреча, полная сарказма и напряжения, стирает грань между долгом и опасным влечением.

© Ежова А., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Пролог 5
Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 16
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Агата Ежова
Поцелуй под прицелом. Ты под моим наблюдением

Пролог

Голова раскалывается на части, словно ее зажали в тиски, которые кому-то вздумалось провернуть с преступным усердием. За каждым пульсирующим ударом в висках проносится обрывок сознания, обрывок памяти. С нечеловеческим усилием, будто поднимая бетонную плиту, я открываю веки. Поворачиваю голову, и мир опрокидывается. Я вижу ее маленькую, идеальную ручку с аккуратными ноготками. По фарфоровой коже указательного пальца скатывается алая капля. Она падает на пыльный пол в абсолютной, звенящей тишине, но для моего измученного сознания ее падение – оглушительный раскат грома, в котором тонет все. Боль, страх, неведение – все стирается одним махом. Рывок. Колени больно ударяются о пол. И я ползу, я должен дотянуться, должен до нее добраться, спасти ее чего бы мне это ни стоило.

Глава 1

«Быть учителем – это когда твои объясняю последний раз звучат чаще, чем песня по радио».

А еще это значит смириться с тем, что твой кабинет биологии в мае превращается в филиал «Бани по-черному».

Все окна в классе были распахнуты настежь, но от этого, кажется, становилось только жарче. Солнце палило немилосердно и выжигало остатки учебного энтузиазма, выбрав мишенью именно мой кабинет. Даже ветерок, врывавшийся с улицы, был горячим, словно выдох дракона. Дети сидели «вареными» – нет, скорее, «томлёными» – и я их прекрасно понимала. От жары веки наливались свинцом, а мозг упорно отказывался думать о чем-либо, кроме северного полюса и стакана холодной воды.

Это была последняя учебная неделя в этом году, и мой любимый 8 «Б» писал итоговый срез. Тишина стояла такая, что было слышно жужжание пролетающей мимо окон мухи. И… едва уловимый щелчок пальцев по стеклу смартфона. Прекрасно вижу, как Другунов Егор, списывает с телефона, аккуратно положенного на коленях. А ведь гаджеты я в начале урока, как всегда, собрала в коробку! Использует запасной, предприимчивый гаденыш.

Я уперла взгляд в его макушку. Он почувствовал – поднял голову и одарил меня улыбкой во все свои 23 зуба. Остальные, как известно, остались на школьной хоккейной площадке в виде трофея местной шайбы во время школьных соревнований. Не выдержала, ухмыльнулась в ответ. Показала глазами: «Уберёшь?» Он театрально развёл руками, изобразив на лице праведное негодование честного налогоплательщика на встрече с президентом.

Пришлось приподняться с учительского стула.

– Ладно, ладно, Александра Андреевна, – не выдержал он, – я просто смотрел, сколько времени до конца урока!

– Да ты ж мой хороший, и что долго еще? – поинтересовалась я.

– Вечность. – наигранно насупившись, отшутился Егор.

Забрала «запасной аргумент» и остаток контрольной посвятила бдительному обходу владений. Делала вид, что внимательно слежу за каждым учеником, а сама смотрела в окна. За окном бушевала весна. Все цвело, пахло и манило на волю, и я ловила себя на том, что сочувственно киваю ученикам. Никто уже не хотел учиться. Все мы, от мала до велика, мечтали об одном – о каникулах и этой пьянящей весенне-летней свободе.

Прозвенел звонок, словно ангел-освободитель. Собирая тетради, я обернулась к классу:

–Ну что, страдальцы мои, готовы к последнему в этом году подвигу?

В классе повисла настороженная тишина.

–Только не субботник, умоляю! – простонал кто-то.

–Сашенька Андреевна, две контрольных, три! Только не субботник. – умоляет Егор.

–В пятницу идем в поход. К роднику, в бор. Спасаться от последствий глобального потепления всем миром.

Радости, как водится, не было предела. Особенно когда прозвучало магическое: «И да, это будет в учебный день». Раздалось оглушительное «Ура!», а я принялась раздавать заветные листки с разрешениями для родителей – тот самый пропуск в предвкушение самого лучшего, что есть в школьной жизни: приключений, которые точно запомнятся куда лучше любой контрольной.

– Но есть одно маленькое «но», – перекричала я гам. Класс затих, почуяв подвох. – Если у кого-то родители не подпишут разрешение…

– В поход не идут! – хором трагически закончила за меня вся параллель, видимо, узнав классическую школьную мантру.

По классу пронесся вздох вселенской скорби.

– Это жестоко, Александра Андреевна! – возмутился Егор. – Нарушение прав ребёнка и свободы передвижения!

– Да ты ж передвигаешься шустрее всех, Егор. Особенно когда бежишь от ответственности, а когда с урока сбегаешь и вовсе развиваешь сверхсветовую скорость. А вот ваше право на поход находится в руках ваших родителей. Так что с сегодняшнего дня ваша главная задача – быть идеальными детьми.

В классе повисла театральная, показная тишина.

– Мама мне всё равно не разрешит, – мрачно сообщил тихоня Артём. – Говорит, я в прошлый раз после похода на речку принёс домой головастиков в карманах.

– А у меня аллергия на хвойные, – тут же «вспомнила» Алина Потапова, которая на прошлой неделе на труде с упоением выпиливала лобзиком сосновую доску.

Я понимающе вздохнула, глядя на этот внезапный всплеск семейных обстоятельств и наследственных заболеваний.

– Спокойно, оракулы! Не хороните поход раньше времени. Ваша задача – не придумывать оправдания, а проявить дипломатические таланты. Помните: посуливший пирог родителю в виде пятницы без ребёнка – уже почти победил.

Звонок с перемены прервал наш стратегический совет. Ребята гурьбой повалили из класса, и я услышала, как Другунов, хлопая Артёма по плечу, ораторствовал:

– Не парься насчёт головастиков! Моя мама в прошлом году подписала разрешение, даже когда я принес домой из похода ужа. Главное – преподнести это как заботу о природе…

Мне хотелось поскорее сбежать в свою уютную квартирку, как школьник с последнего урока. Мечтала о прохладном душе, который смоет эту усталость и пот, который насквозь пропитал платье со стороны спины, и оно теперь противно липло к коже, напоминая о расплате за июньское пекло.

Но работы была ещё целая гора. Проверить стопку контрольных, выставить оценки в табели, заполнить журналы и отчитаться о завершении четверти и учебного года – этот ворох бумаг казался вечным двигателем бюрократии.

В лаборантской умыла лицо, с наслаждением выпила два стакана воды и, вооружившись папками с рабочими программами, как средневековый рыцарь своим щитом, принялась штурмовать бумажные укрепления. Я уже почти добралась до финишной прямой, как в класс ворвался ураган по имени Есения, наша математичка и по совместительству моя лучшая подруга. Некоторое время мы жили вместе в ее квартире, но позже я сняла маленькую квартиру неподалёку от Яси. Уж больно неловко мне становилось каждый раз, когда она возвращалась с очередного свидания с молодым человеком.

– Всё, хватит! Складывай манатки и пошли домой! Хочу свободы, а не дышать этим школьным воздухом! – заявила она, сверкая глазами.

Я попыталась возразить, что мне нужно доделать работу.

– Ой, да фиг с ними, со всеми твоими делами! – отмахнулась она. – Пойдём дышать весной! Всё равно эта работа не корова – не пропадёт, если на часок от неё отвлечься.

Как бы заманчиво ни звучали призывы Есении Михайловны, чувство долга и врождённая ответственность взяли надо мной верх.

– Ладно, ладно, – сдалась я. – Задержусь буквально на пятнадцать минут, не больше.

– Отлично! – воскликнула она. – А я пока пойду немного помучаю нашего нового молодого физрука. Нужно же прощупать почву – свободен ли он, и если да, то насколько?

В её смелых фантазиях они с Максимом Дмитриевичем уже в пятницу отправятся на первое свидание. Правда, сам Максим Дмитриевич об этом пока не в курсе. Но таков уж стиль Яси. Всего полгода назад под её обаяние и настойчивые амурные атаки попало немало практикантов-старшекурсников с физтеха.

Доделав всю работу, я отправилась на поиски глубокоуважаемой Есении Михайловны, дабы вызволить ее из школьных объятий. Обнаружила я её на школьном крыльце, где она с хищным изяществом атаковала нашего нового крепко подкачанного физрука. Бедный Максим Дмитриевич напоминал оленя, попавшего в свет фар, – заворожённый и явно не знающий, как ретироваться с честью.

«Я спасу тебя, бедный мальчик», – пронеслось у меня в голове.

– Есения выдвигаемся! – объявила я, подбегая к парочке. – Извините, что прерываю ваш педагогический совет, но пора ехать.

Максим Дмитриевич бросил на меня взгляд, полный такой безмерной благодарности, словно я только что спасла его от разъяренного медведя, а не от обворожительной девушки. Яся театрально вздохнула:

– Эх, с тобой, каши не сваришь, мистер качок. Ладно… Если передумаешь, ты знаешь, где меня найти!

С этими словами она виртуозно развернулась на каблуках, отбросила волосы с плеч, бросила физруку прощальный томный взгляд, от которого он, кажется, внутренне отпрыгнул к стене, и заявила мне:

– Идёмте, Александра Андреевна! Нынче, видимо, не в моде СКРОМНЫЕ молодые и очаровательные училки.

Я виновато помахала Максиму. Он кивнул с таким облегчением, будто ему только что отменили кросс на десять километров, и мы направились к моей «Булочке» – бежевой Kia с мотором настоящего зверя (по крайней мере, в моём представлении). Имя свое она получила как раз таки за свою форму и цвет. Ну вылитая булочка, маленькая компактная, как и я. Я уже предвкушала, как включу кондиционер на полную мощность, и он, как нисходящая благодать, изгонит из машины душный день.

Садясь за руль, я поймала на себе пристальный взгляд Максима, всё ещё стоявшего на крыльце. От этого взгляда почему-то стало не по себе.

Дорога до дома занимает обычно около 40 минут – при условии, что мне удаётся улизнуть из города до наступления часа пика. Живём мы в закрытом клубном посёлке. Его главная достопримечательность – маленький прудик, который летом превращается в место паломничества местных вурдалаков с банками пива и громкой музыкой из колонок припаркованных машин.

Дома здесь все малоэтажные, с уютными террасами. Честно говоря, это единственное, что заставило меня выбрать жизнь здесь, а не в каменных джунглях. Ну, если не считать того, что здесь очень тихо и совсем не пахнет промышленным смогом от гигантских металлургических предприятий нашего города. Ну и самый главный бонус этой квартиры «не кусачая» цена за аренду, потому что на зарплату учителя на широкую ногу не поживешь. Хозяйка квартиры - моя тезка и, по совпадению, тоже в прошлом учительница. Видимо, я всё же внушаю ей доверие, потому что после сдачи квартиры она ни разу меня не навещала.

Родилась я и выросла в обычной деревне, поэтому мечтаю вырваться из городской клетки в свой частный дом. Иметь клочок земли, где я смогу ухаживать за теплицей, выращивать цветы и овощи, которые будут такими же кривыми, но счастливыми, как и их хозяйка. А к старости я с гордостью буду демонстрировать гостям единственный кабачок размером с подводную лодку, и навязывать его своим родственникам.

Всю дорогу до дома Яся то болтала без умолку, то распевала песни. Откуда у неё столько энергии? Я после шестого урока готова неделю молчать в анабиозе и ни с кем не контактировать.

Машина мягко покачивалась на поворотах, за окном мелькали первые вечерние огни, и это почти убаюкивало.

Поглощенная своим водоворотом мыслей, я и не заметила, что мы уже приехали. Я механически высадила Ясю у ее подъезда, она бросила на прощание воздушный поцелуй и напевая какую-то песню пританцовывая направилась к себе. Супер энергичный человек.

Направляюсь к своему дому, паркую «Булочку» на привычном месте. Вечерний воздух, еще недавно такой желанный, теперь кажется густым и недвижимым из-за жары. Каждый шорох листвы заставляет вздрагивать, а в тенях между домами мерещатся силуэты. Я торопливо иду к своей квартире, крепче сжимая ключи в кармане.

Квартира встретила меня уютной тишиной, совершаю свой привычный вечерний ритуал, действуя на автомате. Включаю телевизор, по которому шло какое-то бесконечное кулинарное шоу, где улыбчивый повар с неестественным энтузиазмом взбивал соус. На террасе зажгла гирлянду с маленькими фонариками, которые горели теплым светом – я купила ее прошлой осенью в надежде создать больше уюта. Фонарики мигали мягко и успокаивающе, отбрасывая на стены причудливые, пляшущие тени.

На скорую руку закинула в духовку маринованную с утра курицу с картошкой.

И наконец, направилась в душ. Под струями теплой воды я закрыла глаза, пытаясь смыть с себя всё: и пот прошедшего дня, и липкий страх, и образы пропавших детей, и настороженный взгляд физрука. Впереди маячила долгая, тревожная ночь с моими вечными кошмарами.

От сладкого карамельного запаха геля для душа срочно захотелось наесться сладостей до потери пульса. Желудок замурчал как мартовский кот. Квартира за день настолько накалилась под летним солнцем, что даже вечером в ней стоял густой, неподвижный воздух, словно в бане после парной. Поэтому после душа я даже не стала как следует вытираться. Просто промокнула полотенцем волосы а, на мокрое, прохладное тело накинула свою любимую, до дыр застиранную футболку, на которой от некогда грозной надписи «У меня все под контролем» осталось лишь философски-абсурдное «У меня тролем». Тонкий хлопок тут же прилип к влажной коже, обещая хоть каплю иллюзорной прохлады. Открыла настежь обе створки двери на террасу, но вечерний воздух ещё не остыл и прохладнее не становилось. В голодной спешке побежала на кухню, чтобы наконец-то усмирить свой голод.

И вот только я протянула руку к вилке, как услышала за окном – со стороны соседской террасы – отборное ругательство и глухой стук, будто кто-то не очень изящно приземлился на деревянный пол, перепрыгнув через перила.

У меня в груди что-то екнуло. Я-то знала точно, что никого там быть не должно. Потому что там жила Любовь Васильевна. Моя супер-подвижная соседка, чье настроение граничило от всепоглощающей любви к миру до вселенской ненависти ко всему, что дышит, движется и особенно – цветет. Ещё на прошлой неделе её забрал к себе сын, и уезжали они в такой спешке, будто за ней выехал спецназ. А зная бабулю, это могло быть вполне реально. Любовь Васильевна, вся такая кроткая, сказала мне:

– Деточка моя любимая, пока я выполняю важное государственное задание, можно оставить тебе ключ, чтобы ты поливала мой цветок?

Государственное задание. Отлично. Хорошо хоть не миссия от высшей космической цивилизации, мелькнуло у меня тогда в голове.

– Твой цветок, мама, уродский и давно засох, – нервно буркнул её сын Игорь, явно не горя желанием забирать маму к себе.

– Не твоё собачье дело, крокодил трёхголовый! – тут же ласково отбрила она.

Ключи я брать отказалась наотрез – нести ответственность за чужое имущество желания не было. Но из чувства солидарности согласилась временно приютить тот самый цветок. По его пожухлым, засохшим листьям было совершенно невозможно определить, что это за биологический вид. Старый горшок, потрескавшийся от времени, украшала не менее древняя, пожелтевшая наклейка с советской скульптурой «Рабочего и колхозницы». А внизу, грозными алыми буквами, выведено: «СЛАВА КПСС» – немой отголосок ушедшей эпохи, сурово взиравший

на меня с подоконника. Цветок был похож на призрака, восставшего из мертвых, поэтому я тут же придумала ему имя -Каспер. Будь готов к тяготам и лишениям на пути к светлому будущему. Полив, по расписанию!

Не уверена, конечно, но когда бабуля, уезжая, махала на прощание в окно машины – то ли мне, то ли Касперу – мне показалось, я прочитала по губам: «Чтоб тебе пусто было, лохудра!»

Так вот.

Прямо сейчас на её террасу явно лез вор.

И, разумеется, в дело тут же вступила моя импульсивность – мой злейший враг и по совместительству генератор идей сомнительного качества. Вместо того чтобы позвать кого-нибудь на помощь я выскакиваю на свою террасу, по пути хватаю первое, что попалось под руку – а именно, пластмассовую легкую швабру, от удара которой даже комар чихнул бы с недоумением, но не умер.

И вот я, с криком «Ах ты ж, ворюга!» наношу прибором современной уборочной индустрии сокрушительный удар по широкой спине незнакомца в черной футболке. Он стоял, сгорбившись, и явно пытался вскрыть стеклянную дверь с террасы в гостиную.

От неожиданности он выдал что-то среднее между:

– Твою ж… медь! И отборным неразборчивым матом. И в тот самый момент, когда он начал медленно выпрямляться, разворачиваясь ко мне во весь свой немаленький рост, до меня с кристальной ясностью дошло, какую чудовищную глупость я только что совершила.

На его фоне я была просто мелкой букашкой, которую он, судя по всему, мог пришлепнуть одним лишь щелбаном.

«Ой, мамочки».

Глава 2

«Это не конец света. Это лишь очередной понедельник, который ведет себя как конец света».

Если я выпью еще одну кружку кофе, то мой мозг не просто взбунтуется – он церебрально дезертирует, выйдет из черепной коробки и начнет кардиотренировку на моём же столе. Но по-другому нельзя – я не могу собраться с мыслями и сложить в единую картину все пазлы этого дела. Лобные доли отказываются синтезировать версии, зато отлично генерируют тревогу.

В дверь осторожно всовывается мятая, небритая физиономия Семёна, нашего дознавателя. Видок не блещет свежестью – видимо, ночь выдалась не менее продуктивной и бессонной, чем у меня.

–Артём, всем сбор у шефа. Срочно.

–Есть что-то новое? – спрашиваю, хотя уже по его лицу понимаю ответ.

–Скорее, нет. Но будем ломать копья над дальнейшим вектором.

Глаза слипаются. Желудок подаёт сигналы бедствия. Кроме ударных доз кофеина и пары дохлых бутербродов он сегодня ничего не видел. Классический завтрак человека, уверенного, что до пенсии он не доживёт. «Понимаю тебя, братан, – мысленно обращаюсь к нему, – но попробуй продержаться до вечера.»

Дело висит на нас гирей уже почти полгода. Серия исчезновений детей. Без следа. Без требований. Без тел. Без логики. Четверо. Двое – наши. Двое – из соседнего района. И в каждом эпизоде – цирк с конями. Камеры наблюдения в радиусе двухсот метров либо «случайно» не работали, либо давали сбой. Последний раз всех детей видели на территории школьных дворов. Телефоны находили позже – выброшенные в разных, абсолютно случайных точках города. По биллингу – тишина. Только пропущенные от родителей. Возраст разный. Пол разный. Характеры – тоже. Ноль зацепок.

Единственный общий знаменатель, который нам удалось вычислить – все дети были из неполных семей. Родители в разводе, и в большинстве случаев ребята оставались с отцами. При этом все эти семьи числились абсолютно благополучными: жалоб от учителей или соседей не поступало, в школе дети успевали хорошо, социализация в норме. Ни тебе звонков на горячую линию, ни следов психологического насилия – идеальная картинка, которая сейчас, под лупой расследования, кажется зловеще-неестественной.

Только в одном деле была трещина— мать одной из пропавших девочек как-то раз писала на бывшего мужа заявление о побоях. Но уже на следующее утро явилась в участок, вся в слезах, и забрала его, уверяя, что это были «обычные семейные неурядицы на почве ревности», и она всё преувеличила. Следователь тогда развёл руками – бывает.

Но вот самый интересный и тревожный факт, который не вписывается ни в одну логическую схему: все матери пропавших детей после развода, но ещё до пропажи детей, уехали жить за границу. В разные, подчеркиваю, государства: кто в Германию, кто в ОАЭ, одна – в Канаду. Они вышли из поля зрения, поддерживали с детьми редкие видеозвонки, как будто ставили галочки в списке «я хорошая мать».

А одна из матерей – Татьяна Веклина, мать пропавшей Светы, – и вовсе через полгода после отъезда была официально объявлена в розыск как без вести пропавшая.

Получается причудливая и жуткая картина: ребёнок остаётся с отцом в России, мать уезжает за рубеж и либо дистанцируется, либо исчезает. Потом исчезает ребёнок. Мы видим часть какой-то гигантской, неясной нам схемы, в которой у каждого игрока своя роль? Этот вопрос сейчас не даёт мне спать больше, чем литры выпитого кофе.

Версия, которая сейчас в топе: координатором выступает кто-то из системы образования. Тот, кто досконально знал расписания и маршруты детей. Кто видил детей каждый день. Кто

не вызывает подозрений. Учителя. Педагоги. Социальные работники. Мы проверили всех. По документам – чисто. Слишком чисто. Кроме одной.

В поле зрения попала некая Александра. Вышли мы на нее только потому, что она была репетитором у всех детей, кроме Царькова Савелия из соседнего района. Весьма любопытное совпадение. Также на ее имя было зарегистрировано три разных мобильных номера, через которые она поддерживала связь как с пропавшими детьми, так и с их матерями. Но что самое интересное под разными фамилиями. При опросе женщин каждая утверждала, что никогда никакую Александру в глаза не видела и не имела с ней ничего общего, что противоречило данным детализации звонков. И сегодняшняя планерка была посвящена именно точечному «прогреву» её личности.

Планерка, как водится, напоминала научный диспут с элементами базарной драки. Следователь Иванов настаивал, что у них «ничего нет, одни домыслы», и требовал сосредоточиться на отцах. Петрова, напротив, тыкала пальцем в идеально чистую, как стерильный скальпель, биографию Александры и шептала: «Слишком чисто, не бывает так». В итоге родился план, пахнущий отчаянием и дешёвым сериалом.

Мне предстоит заселиться в соседнюю квартиру через стенку с главной подозреваемой. Перспектива – так себе. Нужно втереться в доверие и вести непрерывное наблюдение. Моя задача – наблюдать, фиксировать, не светиться и не прибить подозреваемую раньше времени. Последнее – особенно сложно, потому что я уже мысленно вынес ей приговор. Исключительно на уровне гипотез и внутреннего раздражения. Но, как говаривал мой университетский преподаватель, «предубеждение – главный враг объективности». Презумпцию невиновности ещё никто не отменял. Даже если очень хочется.

Честно говоря, наша группа уже давно напоминает труппу странного театра, где основную работу совмещаем со шпионством в близлежащих школах. Кто-то похаживает по двору с метлой, изображая дворника, кто-то торчит на проходной в роли охранника. Но больше всех досталось моему другу Максу, за которым прочно закрепилось прозвище Бес. Корни его уходили в его же сокращенный армейский позывной – «Берсерк».

Мы с Максом дружим давно, но на тему его прошлого старались не говорить. Суровая необходимость, породившая это прозвище, витала между нами незримой, но ощутимой гранью. Всё и так было понятно без слов. В историческом контексте Берсерки были воинами, посвятившими себя богу Одину. Легенды гласили, что они славились неистовостью, звериной силой и поразительной нечувствительностью к боли в пылу сражения. Их боевой стиль был воплощением ярости. Порой Бес мог надолго застыть, уставившись в стену пустым, будто выжженным взглядом. В этой пустоте читалась такая бездна, что становилось ясно – видел он за свою жизнь более чем достаточно. И вспоминать, а уж тем более обсуждать это, он не хотел. Некоторые вещи навсегда остаются запечатаны внутри, и наша дружба была тем немногим, что хоть как-то скрашивало эту тишину.

Вот именно Бесу сейчас выпала «счастливая» доля шифроваться под физрука в 13-й школе. Он страдает и ежедневно возмущается, что лучше ловить беглых зеков в тайге, чем управляться с ордой непослушных подростков, которые мяч кидают не туда, куда надо, а куда получается.

Мне вручают ключи, сообщая, что с бабулей-хозяйкой, официально проживающей там, «вопрос улажен». Моя легенда проста: я её дальний родственник, приехавший уладить вопросы с продажей квартиры, так как она намерена доживать свой век у сына – слабое здоровье, все дела. Показали фото бабули. У меня сложилось стойкое впечатление, что она переживёт весь наш отдел.

В жизни каждого оперативника наступает момент, когда он задаёт себе философский вопрос: «И ради этого я учился, сдавал нормативы и пил столько кофе?» В конце измотанного дня я направляюсь в указанный закрытый посёлок. Мои пожитки – пара джинсов, несколько

футболок и необходимый минимум – легко уместились в потрёпанную спортивную сумку. О форме на время придется забыть: согласно легенде, я автомеханик.

С виду – мило. Моя будущая резиденция обладает террасой со столиком из искусственного ротанга и парой кресел. На соседней террасе, что вплотную к моей, мигают тёплым светом гирлянды и висит цветной гамак, прицепленный к несущим столбам. Желудок, учуяв из открытого окна соседской гостиной божественный запах жареного лука и мяса, издаёт протяжный, страдальческий вой. Я сглатываю слюну и направляюсь к парадной, мечтая наконец-то снять ботинки и что-нибудь забросить в ненасытную топку организма.

Долго и безуспешно пытаюсь открыть дверь первым ключом. Второй, с биркой «терраса», тоже оказывается бесполезным. Голод, усталость и нервы делают своё дело. Терпение лопается.

«Да чтоб тебя!» – рычу я себе под нос и, с лёгкостью, переваливаюсь через перила террасы, приземляясь на деревянный настил с глухим стуком. Теперь нужно разобраться с замком стеклянной двери в гостиную. Я достаю ключи, вновь начинаю возиться, мысленно посылая проклятия всем ключникам мира.

Но едва скважина сдалась мне с характерным щелчком, сзади донесся яростный, девчачий возглас: «Ах ты ж, ворюга!» – и следом раздался мягкий, шлепок по моей спине. Скорее унизительный, чем болезненный.

Голод и усталость сделали свое дело. Я резко выпрямился, вырвав из замка ключ. Мгновение – и я уже развернулся к источнику нападения.

Сначала мне показалось, что передо мной стоит рассерженный ребенок. Но этот обман зрения тут же развеялся, когда мой взгляд скользнул по влажной от недавнего душа футболке, липнувшей к ее стройному телу. Под тонкой тканью старой футболки с загадочной надписью «У меня тролем» четко проступали контуры красивой, упругой груди. Мозг, отвыкший от всего, кроме протоколов и кофе, завис, пытаясь расшифровать послание: «Какой тролем? Что тролем»?

Передо мной стояла хрупкая девушка с мокрыми, растрепанными волосами, которая сжимала в руках пластмассовую швабру – видимо, орудие моего усмирения. На лице было такое выражение, будто она искренне готова меня прикопать здесь же, между террасами.

– Руки вверх, буду стрелять, ворюга! – выпалила она, стараясь придать голосу угрозы. – Я сразу предупреждаю! Сюда уже едут несколько экипажей полиции, МЧС и скорая! Так что в твоих же интересах бежать, сверкая пятками!

Угрожающая поза и эта наивная попытка запугать были до того нелепы, что я не сдержал хриплого смешка.

– Чем стрелять-то будешь? – уточнил я, наклоняя голову.

Взгляд сам по себе скользнул вниз, задержавшись на округлостях, проступающих сквозь мокрую ткань. И тут в паху предательски ёкнуло, ясно давая понять: голоден я был не только по еде.

Увидев куда именно впечатались мои глаза девушка вся вспыхнула, смутилась, но не сдавалась. Молниеносно скинув один тапок, она замахнулась им на меня, как метательным диском.

– Щас как дам! Не смотри на мой рост, я тебя в миг на лопатки уложу!

От ее резкого движения в воздухе повис сладкий, аппетитный запах, как от моего любимого печенья с карамелью. Мой желудок, утратив остатки воспитания, отозвался громким, предательским урчанием. Резко захотелось, чтобы она все-таки уложила меня на лопатки.

– Тихо, тише, Печенька, успокойся, – рассмеялся я снова. – Я не вор.

–Какая я тебе Печенька?!

– С карамелью, – не удержался я.

Она сверкнула глазами так, будто сейчас всё-таки метнёт тапок. Я медленно, демонстративно поднял руки – жест полной капитуляции, одобренный международным комитетом по выживанию рядом с разгневанными женщинами.

– Ладно-ладно. Родственник я. Дальний. Очень дальний. Местной святой старушки.

И начал посвящать ее в нашу с шефом легенду. Для пущей убедительности предъявил ключи и липовую доверенность, благо, наши ребята постарались на славу.

Она окинула документы взглядом, не опуская швабру, и ехидно протянула:

– Ну что ж… добро пожаловать в наш клубный посёлок. Здесь все невероятно радушны и гостеприимны.

– Ага, – хмыкнул я. – Вижу. Гостеприимство у вас с доставкой по спине.

Она фыркнула, вызывающе вздёрнула подбородок и быстрым шагом, слегка прихрамывая на одну тапочку, направилась к своей двери. Вид сзади оказался ещё притягательнее, чем спереди. Мысленно подбираю слюни с пола.

Так. Всё. Хватит. Соберись, Калашников. Ты на работе.

– Эй! – крикнул я ей вдогонку. – А извиняться за побои не будем?

Она высунула голову из своей стеклянной двери, глаза ее сверкали торжеством.

– Какие побои? Я у вас на спине комара убила! Размером с мой кулак был! Малярийный еще, наверное, так что не благодарите!

– Благодарю! – не сдавался я, чувствуя, как на губы снова наплывает улыбка.

– Обращайтесь! – бросила она и с грохотом захлопнула дверь.

Наконец-то я вошел в свою новую, временную резиденцию. И с удивлением поймал себя на том, что улыбка не сходит с моего лица. Возможно, эта командировка окажется куда интереснее, чем я предполагал. И не только с профессиональной точки зрения – хотя это уже тревожный звоночек.

Несмотря на то, что здесь обитала старушка, обстановка была вполне себе современная и, что удивительно, даже уютная. В моей профессии роскошь требований сводится к священной троице: возможность помыться, поесть и рухнуть в бессознанку на горизонтальную поверхность. Остальные блага цивилизации – мне, в общем-то, как коту пятая лапа.

Единственное, что выдавало жизнь пенсионерки, – это целый иконостас из семейных фото в рамках, где она сияла в окружении каких-то родственников, и кипа зачитанных до дыр кроссвордов. Свою комнату она закрыла на ключ и для уверенности на двери повесила записку «Не входить». «Ну, здрасьте, бабуля, шибко то и не хотелось», – мысленно хмыкнул я, швырнув сумку у порога. Судя по всему, большинство вещей и свои драгоценные пожитки она замуровала именно в той тайной комнате.

Первым делом, не удосужившись вымыть руки, я ринулся к холодильнику – инстинкт голода был сильнее гигиены. Ревизия показала: тотальный продуктовый вакуум. В шкафах пустота, даже вилки с ложками отсутствовали. Решение пришло само: пока моюсь в душе, заряжу телефон, севший в ноль, чтобы заказать еду с доставкой на дом.

Я как раз вытирался в ванной, когда услышал робкий, но настойчивый стук. Не глядя в глазок – а зря, между прочим, – распахнул дверь.

Печенька! Уже укутанная в длинную, вязанную, но от этого не менее милую кофту. Она стояла на пороге, сжимая в руках огромный противень, от которого исходил божественный, сводящий с ума аромат. Пахло жареной картошечкой с луком, специями и чем-то мясным, настолько вкусным, что мой желудок издал победный рёв, от которого, казалось, содрогнулись стены.

Сама Печенька переминалась с ноги на ногу, глядя куда-то мне в грудь.

– Я хотела бы извиниться, – прошептала она, и её голос был едва слышен. – Мне очень стыдно. Но сейчас такое время… всем надо быть бдительными. В качестве извинения… примите ужин.

Вот же… Саша, если ты действительно опасная преступница, то действуешь ты крайне изощрённо.

Я не удержался и ехидно ухмыльнулся.

– Отравлен?

– Чего? Нет! Я… – она вспыхнула, как маков цвет, и резко развернулась. – Как хотите!

В этот момент каждая клетка моего организма дружно закричала: «НЕЕЕЕТ!»

– Стой-стой-стой! – выпалил я, едва не хватая её за рукав. – Прости, дурак. Шучу. От ужина, конечно, не откажусь. Я уже, кажется, готов съесть и этот противень.

Она нехотя протянула мне тяжёлое блюдо.

– Может, познакомимся? – предложил я, чувствуя, как возвращается лёгкость. – Соседями всё-таки будем.

– Саша, – выдохнула она. – Александра.

И протянула свою маленькую ладонь.

В тот же миг в моём мозгу, будто по тревоге, завыла сирена. Её образ в моей голове мгновенно перекрасился из «милой чудаковатой соседки» в «потенциальную похитительницу детей». Всё её очарование, вся хрупкость – всё это растворилось, уступив место холодной, липкой настороженности.

– Артём, – сказал я сухо, твёрдо, намеренно игнорируя её протянутую руку. – Спасибо за ужин.

И, не давая себе ни секунды на сомнения, захлопнул дверь прямо перед её носом. К горлу вместо аппетита подкатил ком тошноты. Усталость, отступившая было, накатила с новой, удвоенной силой.

Еда, надо признать, оказалась на удивление вкусной. Или я был настолько оголодавшим, что сожрал бы и сырую картошку, лишь бы заткнуть дыру в желудке.

Сытый и морально опустошённый, я рухнул на диван, который был очень мал и жёсткий – «Бабуля знала толк в роскоши». Я закрыл глаза и почти мгновенно провалился в сон, в котором мне сто процентов снилась эта самая Печенька, с которой мы боролись на татами. И, кажется, она меня победила.

Глава 3

«Говорите чётче, я вас не слышу, на мне футболка».

Захлопнув за собой дверь на террасу, я тут же прислонилась спиной к стене, словно пытаясь спрятаться от собственной глупости. Коленки предательски подрагивали – то ли от адреналина, то ли от дикой злости на саму себя.

Боже, я ударила незнакомого мужчину! Не разобравшись! Не включив ни капли здравого смысла! Ещё и нагрубила ему. Как героиня криминальной хроники с пометкой «неадекватная соседка». А что, если он врёт? Мошенников сейчас, как грязи, а доверенность можно и подделать. С другой стороны… если он действительно вор, то ведёт себя подозрительно спокойно. Жаль, что у меня нет телефона Любови Васильевны. Хотя… нет, не жаль! Она бы тогда устроила мне круглосуточную горячую линию поддержки с подробным анализом каждого моего вдоха и выдоха.

Прислушалась. За стеной доносился звук воды в ванной. Слышимость в этих домах просто колоссальная – когда сосед сверху чихает, весь подъезд хором желает ему здоровья. Значит, принимает душ. Маловероятно, чтобы вор стал так комфортно обустраиваться на месте преступления.

«Господи, что же я за человек такой? – застонала я внутренне. – Может, извиниться?» В таких ситуациях всегда нужен специалист. Желательно – с наглостью, отсутствием комплексов и нулевым чувством меры. Звоню Яське.

– Яся, – прошептала я в трубку. – Я, кажется… напала на соседа.

Подруга выслушала мой сбивчивый рассказ, уточнила ключевые моменты – рост, плечи, голос, взгляд – и, не задумываясь ни секунды, вынесла вердикт:

– Так. Либо ты идёшь и приглашаешь его на свидание, либо топишь до последнего, прикидываясь неадекватной соседкой. Третьего не дано.

– Яся! – зашипела я. – Я его шваброй ударила!

– Отлично, – воодушевилась она. – Значит, запомнилась. Мужчины такое любят. Травмы, адреналин, женщина с характером – всё по Фрейду.

Я уставилась в экран, пытаясь осмыслить уровень её экспертности.

– Ты вообще нормальная?

– Конечно нет, – радостно ответила Яся. – Но ты только что описала мужчину, от которого у тебя дрожат коленки. Так что, Саш…Поздравляю. Кажется, у тебя новый объект для страданий.

Я отключила звонок и уткнулась лбом в ладони. Советчик из Яси так себе. У неё все к одному всегда сводиться.

Немного подумав, я всё-таки решила остановиться на варианте с извинениями и отдать ему половину ужина. Потому что мне показалось – его желудок во время нашей схватки издавал утробное, голодное урчание, внятнее любых слов. Да и сытый мужчина-добрый мужчина. Отложив себе скромную часть курицы, направилась к соседу.

Едва я постучала костяшками пальцев, дверь распахнулась, будто он стоял за ней и ждал.

Я не решалась поднять взгляд и уставилась прямо в его обнажённую грудь. От него пахло мужским шампунем, свежестью как после летнего дождя. При любом его движении под кожей играли мышцы, и это гипнотическое зрелище заставляло кровь приливать к щекам. Тренировочные штаны низко сидели на бёдрах, обнажая прорисованные косые мышцы живота и тот самый «пресс кубиками», существование которого я до сих пор считала мифом. Мне пришлось сглотнуть комок слюны, прежде чем я смогла издать хоть что-то членораздельное.

– Я хотела бы извиниться, – промямлила я голосом полудохлого котёнка. – Мне очень стыдно. Но сейчас такое время… В качестве извинения… примите ужин.

Я не видела его лица, но кожей чувствовала ухмылку, которой он меня встретил.

– Отравлен?

– Чего? Нет! Я… – возмущение пересилило робость. – Как хотите, мистер Качок!

Я развернулась, чтобы сбежать со скоростью, достойной олимпийского спринтера, когда его рука схватила мою руку. Большая, тёплая, сильная.

– Стой-стой-стой! Прости, дурак. Шучу. От ужина, конечно, не откажусь. Я уже, кажется, готов съесть и этот противень.

Я рискнула поднять на него взгляд. Он был красивым, но выглядел очень уставшим, под красивыми глазами с длинными ресницами образовались темные круги. Совсем не похож на вора. Скорее, на того, кто внушает странное чувство доверия, силы и спокойствия.

Я протянула ему блюдо.

– Может, познакомимся? – предложил он, в глазах мелькнула искорка. – Всё-таки рядом жить будем.

– Саша. Александра, – сказала я и протянула ладонь.

И тут случилось необъяснимое. Его лицо мгновенно перекосилось, взгляд стал жёстким, почти злым. Казалось, от одного моего имени ему физически стало дурно.

– Я – Артём, – отрезал он ледяным тоном. – Спасибо за ужин.

Резко развернувшись, он захлопнул дверь прямо перед моим носом.

А я так и осталась стоять с глупо протянутой рукой. Стало как-то неприятно, жутко обидно и тревожно. «Что я тебе успела сделать?» – прошептала я в пустоту.

В квартире трезвонил телефон. Я опомнилась и бросилась в комнату, наглухо закрыв входную дверь на оба замка. Звонила Яся, жаждущая подробностей. Выслушав мой взволнованный лепет, мы пришли к выводу, что он либо принципиально не любит Александр, либо какая-то тёзка в прошлом жестоко над ним поиздевалась.

Поговорив с Есенией, я немного успокоилась. Через силу поужинала – аппетит напрочь пропал. За стеной стояла гробовая тишина. Я закуталась в плед и уставилась в телевизор. Готовиться к завтрашним урокам не хотелось категорически, но и спать тоже боялась – снова кошмары замучают. В итоге я незаметно для себя отключилась и прямо в той же позе проснулась от звука будильника, не видев за ночь ни единого сна. Что удивительно. Пора на работу.

Быстро умылась, собрала волосы в хвост, нанесла крем для лица и поверх – солнцезащитный. Завтракать не хотелось, поэтому просто залпом выпила стакан воды. Из соседней квартиры доносились шаги. На улице было ещё жарче, чем вчера, поэтому надела лёгкое летнее белое платье в мелкий черный цветочек. Схватив школьные принадлежности, я вылетела на террасу. Торопясь, я никак не могла справиться с упрямой щеколдой на калитке.

– Помочь? – раздался у меня за спиной знакомый голос.

Я вздрогнула от неожиданности. Новоиспеченный сосед вдруг легко, одним движением перемахнул через перила и оказался прямо передо мной. Я даже отступить не успела – уперлась спиной в столбик крыльца.

– Нет, спасибо, – буркнула я, не глядя на Артёма. Вчерашняя обида за его грубость засела глубоко.

– Вчера была смелее, – едко заметил он. – Шваброй размахивала.

– Помощь – это последнее, что я готова принять от незнакомого мужчины, который подкрадывается со спины, – отрезала я, снова дергая щеколду. – Могу взять что-нибудь потяжелее швабры?

– А ты всегда такая колючая по утрам? Или только с теми, кто выше ростом и не побоялся швабры?

–Только с теми, кто путает любопытство с воспитанием. Щеколда все еще не поддавалась. Пот выступил на лбу, волосы выбились из хвоста и прилипли к вискам.

Он не ответил. Просто встал сзади – я даже не заметила, как он оказался за моей спиной. Наверное, я слишком растерялась от такой наглости. Сильные руки уперлись в деревянную щеколду по обе стороны от моих ладоней, надежно блокируя меня между собой и калиткой.

– Дай я открою. Честное слово, просто открою и отойду. А то у тебя уже нервный тик случится, и у меня тоже.

Я замерла, боясь пошевелиться. На улице и так стояла невыносимая жара, но сейчас мне казалось, что я стою рядом с раскаленной печью. От него исходило сухое, обжигающее тепло, пробивающее тонкую ткань платья. Я чувствовала пряный запах его парфюма, смешанный с запахом разогретой на солнце кожи. Его грудь почти касалась моей спины.

– Нужно не вниз тянуть, а чуть вверх и на себя, – его дыхание шевельнуло выбившуюся прядь волос у виска. – Вот так.

Рука скользнула вдоль моей, когда он нажимал на задвижку. Легкое, мимолетное касание – и по коже побежали мурашки. Он замер на секунду дольше, чем нужно, словно тоже это почувствовал.

– Готово, – выдохнул он мне в макушку.

Раздался щелчок проклятой щеколды. Калитка со скрипом приоткрылась. Но он не спешил убирать руки и не отстранялся. Мне ничего не оставалось, как быстро нырнуть под его локтем, распахнуть калитку и буквально вывалиться на тротуар, оставляя его на своей террасе.

– Могу помочь машину открыть, – со смехом произнес он, облокачиваясь на перила.

Господи, какой наглый. Стоит, сам собой довольный. У меня и вправду начинает дергаться глаз.

– Спасибо за помощь, – процедила я сквозь зубы, – Покиньте мою территорию, предварительно закрыв калитку.

Я бросила эти слова на ходу, даже не оборачиваясь, и устремилась к парковке. Но, когда я подбежала к своей машине, где меня уже поджидала Яся, смотрящая не на меня, а на Артёма, он всё также стоял на моей территории. Мало того, он даже не думал уходить. Он просто перегнулся через перила, наблюдая за мной, и в его глазах светилось откровенное удовольствие от этого спектакля. Калитка так и осталась приоткрытой.

– Это он? Это ОН? О боже, вот это красавчик! Уже с утра в гости заходил? Игриво водит бровями Есения.

Не обращая внимания на восторг подруги, я уселась за руль и с раздражением хлопнула дверью. Тут же поняла, что пассажирское сиденье пустует. Открыла окно со стороны Есении и рявкнула:

– Прыгай! В этот момент она как раз сладко махала рукой Артёму, а он ей в ответ – не менее любезно.

– Понятно, – сквозь зубы процедила я, ощущая одновременно раздражение и странное, не поддающееся объяснению чувство.

– Чего психуешь-то? – удивлённо спросила Яся, плюхаясь на сиденье.

– Ничего. Пристёгивайся, – огрызнулась я, чувствуя, что сердце бешено колотится.

– Да что такое?

– Не нравится он мне. Грубый какой-то.

– Эта душка? Этот качок? – не поверила подруга.

– Да! – негодующе воскликнула я. – Ой, да для тебя любой человек мужского пола – душка!

Яся рассмеялась. Я понемногу стала оттаивать. Тронулась с места, стараясь не смотреть на террасу, но, поворачивая за угол, в боковом зеркале чётко поймала его взгляд, провожающий меня вдаль.

День в школе прошёл неплохо и на удивление быстро.

Из минусов:

Во-первых, было так же невыносимо жарко.

Во-вторых, один из пятиклассников спросил, видела ли я динозавров. Либо я сегодня выгляжу на все сто, либо я катастрофически плохо преподаю биологию. Теперь вот гадаю, не предложить ли им на следующем уроке тему «Мамонты и учителя: что общего?».

Ну, и в-третьих, новый сосед занял в моих мыслях больше места, чем должно было бы быть доступно по квадратным метрам.

Из плюсов:

В столовой давали шоколадный пудинг, что автоматически повысило качество жизни на 37%.

Довольная тем, что выполнила всю работу даже раньше обычного, несусь к кабинету математики, чтобы предупредить Ясю: пора сматывать удочки и ехать домой. Не найдя её на месте, иду в учительскую, по пути опрашивая старшеклассников: «Не видели Есению Михайловну?».

«В спортзале!» – бодро рапортуют те. Ну, всё ясно. Обольстительница взялась за своё.

Закинув журналы в учительскую и попрощавшись с коллегами, я направляюсь к машине и пишу Яське смс: «Жду на улице».

Но едва я спускаюсь с крыльца, меня окликает Максим Дмитриевич, за которым семенит довольная Яся – точь-в-точь как кот после двойной порции сметаны.

– Александра Андреевна! Зовет меня Максим. – Ребята сказали, что в пятницу вы планируете поход? Можно с вами? Ну, в качестве учителя физической культуры и ОБЖ. Давно хотел провести с ребятами кросс и небольшой мастер-класс по выживанию в автономных условиях. А один я с этой гурьбой подростков не справлюсь. Да и, в связи с последними событиями… Чем больше глаз, тем спокойнее.

–Конечно, можно, я только за, – легко соглашаюсь я.

На лице Максима расцветает улыбка, но тут же в поле моего зрения попадает Есения, которая отчаянно машет руками, показывая на себя и на него: «Я! И я с вами!»

– С нами ещё едут двое родителей в качестве сопровождающих – мама Егорова и папа Семёновой. И Есения Михайловна.

Замечаю, что улыбка физрука от этой новости слегка тускнеет. Он нервно сглатывает, пытается бросить взгляд на Ясю, но на полпути останавливается и возвращает взгляд на меня.

– Тогда я составлю памятку, что ребятам нужно взять с собой для моих занятий, и завтра раздам на уроке.

Максим ретируется с завидной скоростью – будто от пожара бежит или торопится на внеплановую эвакуацию кишечника. Есения провожает его взглядом и глубоко вздыхает.

– Да что не так-то? – с театральным вздохом интересуется она, разглядывая своё отражение в оконном стекле. – Я что, сегодня плохо выгляжу?

А выглядела она, как всегда, бомбически, о чем ей и сообщаю. Её округлые формы, подчёркнутые изысканно облегающим платьем, находились именно там, где им и положено быть, создавая идеальные песочные часы.

– Да вроде не женат, ходит вечно угрюмый. Хочу растопить этот лёд. Этот поход – моя последняя надежда. Если там не добьюсь от него хотя бы капельки внимания, больше пытаться не буду. У меня тоже есть гордость, между прочим!

Я сочувственно улыбаюсь:

– Ну что, поехали домой?

– Забыла предупредить! – всплескивает руками Яся. – У нас сегодня встреча одноклассников. Юбилей, 10 лет! Летим со мной?

Уверяю её, что у меня сегодня очень важные дела и планы. А из важных дел у меня сегодня – воскрешение Каспера. Я уже почти видела, как этот несчастный засохший цветок,

расправляет листья под звуки незримого гимна и обещает перевыполнить норму по фотосинтезу.

По пути домой заворачиваю в ближайший супермаркет, покупаю немного продуктов бытовую химию и грунт для комнатного страдальца, всё это благополучно вываливается из лопнувшего пакета на пол пути к машине. Закидываю все как есть прямо в салон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.